

РАЗВОРОТ

ОБРАЗОВАНИЕ

Лев Любимов: Личность формируется только через деятельность

Профессор ВШЭ, автор проектов по развитию школьного образования — о том, чему и в каком объёме должна учить школа

Татьяна Власенко

— Лев Львович, говоря о современном образовании, очевидно, мы имеем в виду так называемое поколение Z. Что оно, на ваш взгляд, собой представляет?

— Это поколение живёт в несколько других условиях относительно предшествующих. Во-первых, у него есть свобода. Во-вторых, достаточная материальная обеспеченность, по крайней мере с точки зрения предложения, не только спроса. Условно говоря, не раз в неделю кусок сыра, а 20 сортов в ближайшем магазине. Это то, чего прежние поколения не знали. В-третьих, это, конечно, немалая плотность и скорость информационной среды, которая имеет особое значение.

Ещё 10 лет тому назад у ребёнка были два источника информации — учитель и учебник. Сегодня ситуация прямо противоположная. То, что знает учитель, смешно в сравнении с содержанием любого гаджета. Учебник в связи с этим выглядит ещё забавнее. И ребёнку, особенно находчивому, у которого есть гаджет и, следовательно, глобальные источники информации, неинтересно то, что «впаривает» ему учитель.

Конкретный пример: по пути в Пермь в поезде я прочёл пост о том, что Россия получила от США по ленд-лизу. Немалую внушительная картина: 360 тыс. «студбеккеров», на которых базировалась вся наша артиллерия, начиная с периода Курской дуги. 5600 американских истребителей «Аэрокобра», на одном из которых летал знаменитый Александр Покрышкин. И продовольствие, которым армию в шесть миллионов бойцов можно было кормить несколько лет.

— И как сейчас преподавать историю, если информация так отчаянно расходуется с учебниками и официальной позицией?

— История — это не наука. Это некие авторские мнения. Наука появляется тогда, когда в ней начинают проследиваться некие закономерности. Я в нашей российской исторической науке никогда ничего подобного не встречал. Западная историческая наука после выдающейся работы Гегеля «Философия истории» из истории трансформировалась в историсофию. Первым историсофом у нас был Василий Ключевский. Школа Ключевского производила историсофам, но им не повезло в 1917 году. Одни эмигрировали, другие оказались у «стенок». Советская историческая наука — «лако-красочная»: надо было пахать всех тех, кто был прежде, и восхвалять тех, кого называли уже не «милостивый государь», а «товарищ», особенно «товарищ генеральный секретарь».

— Что делать в этой ситуации школьнику, у которого происходит взрыв в сознании?

— Работать с информацией. Получать её сегодня очень легко: глобальный источник информации отличается немислимой скоростью предъявления единиц знания. Не нужно идти в библиотеку, рыться в картотеке и ждать, когда принесут реферат или книгу. Листать страницы в гаджете можно очень быстро. Сколько есть учебников истории, столько существует и мнений, поэтому каждый читатель дешифрует текст в соответствии со своим кодом. Ребёнок дешифрует в соответствии со своими знаниями и тем, что ему нужно здесь и сейчас для решения учебной задачи.

— Но для этого нужно знать искусство дешифровки. Как этому научить?

— Нужно учить ребёнка не просто читать, его надо учить чтению. К сожалению, ни один учитель начальной школы не знает, что такое настоящее чтение. Чтение — это устойчивое, сложное коммуникативное поведение (это — центральное слово) по извлечению смыслов из текстов. Когда центральным словом является поведение, это значит, что вы, как субъект, должны войти в текст и вести себя в нём. Вы становитесь одним из персонажей, участником действия, которое является дескриптором пространством этого текста. Этому надо научить.

Ребёнку, особенно находчивому, у которого есть гаджет и, следовательно, глобальные источники информации, неинтересно то, что «впаривает» ему учитель

— Кто будет учить?

— Учитель. Проблема в том числе и особенно в том, что пока мы учим детей письму, но не учим письменной речи.

— А учителя сами владеют этим искусством?

— Учителю надо, во-первых, подсказать, как это делается. Во-вторых, про себя думать, что неплохо было бы «крапиво» тоже держать на всякий случай. К сожалению, лён сидит в генетическом коде после пяти поколений советской власти. Она отучила людей работать по простой причине — отбирала всё. Татаро-монгольское иго, крепостное право после себя всё же что-то оставляли людям. Советская власть ничего не оставляла — только паёк. Неважно, сколько человек работал,

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

он получал крохи. Сегодня мы видим следствие.

Лев Выготский в своё время неоднократно говорил о том, что едва ли не самой главной задачей школы является обучение письменной речи, и добавлял, что не знает ни одной школы, где бы это делалось. В отличие от Запада и Востока, где этому учат. В Японии, Китае ребёнка с трёх лет заставляют на большом листе бумаги киноварию писать

языком канцелярита. Это обычный разговор на бумаге с учителем, директором, завучем, воспитателем о том, что надо делать и почему. И объяснение, как именно это делать. Конечно, пока натыкаюсь на одно и то же: 99% тех, для кого концепция предназначена, не берут её в руки. Меня, конечно, выслушают, возникнет даже некоторый энтузиазм. Но этот энтузиазм абсорбирует примерно 10% того, что я говорил, и всё.

Поэтому в лицее я бы начал действовать очень жёстко. Директору предложено концепцию читать и помечать в рабочей тетради, как видится её реализация. По пунктам. После этого ему придётся работать с коллективом.

— Вы собираетесь построить «социализм» в одной отдельно взятой ячейке образовательной системы?

— Да. Мы строим лицей как «социализм» в одном отдельно взятом университете. И социализм в трёх отдельно взятых региональных филиалах. Эту концепцию, в частности, принял весь Нижний Новгород. Это уже хорошие масштабы. А что я ещё могу сделать? Только честно и хорошо выполнять свою работу. Это старается делать и «Вышка» в целом.

— У ВШЭ была пауза в работе с пермским лицеем №10. С чем она связана?

— В 2003 году мы создали лицей при пермской «Вышке», проведя реорганизацию школы №125 и построив там свою образовательную модель. Шли годы, сменилось руководство лицея, нам намекали, что «мавр сделал своё дело» и может уходить. И мы ушли. Потом

иероглифы, каждый из которых несёт массу смыслов. Восточный язык — виртуальный, это не 33 буквы алфавита.

Мы до сих пор не учим детей письменной речи и мышлению. Между тем о необходимости этого писал ещё Фридрих Ницше в эпоху создания в Германии массовой школы. Он полагал, что тексты немецких писателей (публицистов, учёных) невозможно читать, потому что в них нет науки мышления, нет логики, нет последовательности, связей. Он утверждал, что мышлению и речи надо учить так же, как учат танцам.

— Как этот процесс можно запустить в наших школах?

— В нашем лицее №10 мы его запустили. У меня есть своя концепция. Она не является документом, написанным